

Гриднева Т. В.

ДИНАМИЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/21.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 57-59. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

тической полезности, соревновательности, максимальной занятости каждого учащегося и неограниченной перспективы творческой деятельности. В процессе игры развивается логическое мышление, способность к поиску ответов на поставленные вопросы, речь, речевой этикет, умение общаться друг с другом.

Игровые формы обучения позволяют использовать все уровни усвоения знаний: от воспроизводящей деятельности через преобразующую к главной цели - *творческо-поисковой* деятельности. Игра занимает особое место в процессе активного обучения, являясь одновременно и методом и формой организации обучения. Это позволяет определить игру как высший тип педагогической деятельности.

Список использованной литературы

1. Амонашвили Ш. А. Здравствуйте, дети. М.: Просвещение, 1986.
2. Коньшева А. В. Игровой метод в обучении иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2006.
3. Шапиро Л. Как воспитать ребенка с высоким коэффициентом развития. М.: Эксмо, 2005.
4. Эльконин Д. Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978.
5. Snarski M. Using replacement performance role-plays in the language classroom // English teaching forum. 2007. Vol. 45. № 4.

ДИНАМИЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Гриднева Т. В.

Волгоградский государственный педагогический университет

В последнее время широкое распространение в лингвистической литературе получила идея пространственного моделирования, так как является чрезвычайно эффективным приёмом познания особенностей языка.

Фразеологическое когнитивно-семантическое пространство (ФКСП), которое определяется как область пересечения концептуальных и семантических структур, предполагает совместное рассмотрение значения и концепта. Концептуальное и семантическое пространства - компоненты ФКСП - важнейшие составляющие процесса понимания механизмов познания действительности. Концептуальное фразеологическое пространство представляет собой совокупность исторически сложившихся концептов, которые закреплены и наименованы в наборе семиотических и семантических фразеологических сфер. Фразеологический концепт определяется как когнитивная (мыслительная) категория, квант знания, жёстко не структурированное смысловое образование описательно-образного и ценностно-ориентированного характера [Алефиренко, 2002]. Источниками и способами формирования многослойной структуры ономастопозитических фразеологических концептов (по терминологии Н. Ф. Алефиренко), являются (1) чувственный опыт человека - источник зрительных образов, (2) предметно-практическая деятельность - способ осмысления, (3) речемыслительные операции - условие интерпретации типовой денотативной ситуации и (4) лингвопрагматические факторы, обуславливающие коммуникативную значимость идиомы. Например, эмоциональный компонент *'радость'* входит в состав многослойного ономастопозитического концепта, являющегося когнитивной основой следующих фразеологизмов (ФЕ): *быть (чувствовать себя) / почувствовать себя на седьмом небе* - *'испытывать большую радость, наслаждение, счастье'*; *быть (чувствовать себя) / почувствовать себя на верху блаженства* - *'становиться безгранично счастливым, глубоко удовлетворённым, очень довольным'*; *дух захватывает / захватило* - *'трудно дышится от избытка чувств, сильных переживаний - восхищения, восторга, душевного блаженства'*; *воспрянуть духом* - *'преодолев уныние, чувство подавленности, обрести прежнюю бодрость, хорошее, радостное настроение'*. Понятийный слой *'единство'* составляет структуру многослойного ономастопозитического концепта - когнитивной базы семантики ФЕ: *рука об руку* - *'вместе, как единомышленники (действовать, жить и тому подобное)'*; *плечом к плечу* - *'вместе (жить, работать, бороться)'*; *в один голос* - *'единодушно, единогласно'*; *в ладу* - *'в дружбе, в полном согласии (быть, жить)'*; *в унисон* - *'согласно, согласованно (делать что-либо, действовать, поступать)'*; *водой не разольёшь* - *'очень дружны, неразлучны'* и других. Названные признаки многослойного ономастопозитического концепта находят выражение в семантической структуре перечисленных ФЕ.

Семантическое пространство русской фразеологии определяется как объединение базовых понятий фразеологической картины мира, сложившейся у данного этноса в ходе его бытия и определяющей национально-культурную специфику построения и реализации ассоциативно-вербальной сети её языковых личностей [Прохоров, 2008].

В своей совокупности концептуальное и семантическое пространства русской фразеологии образуют ФКСП, обладающее определёнными свойствами. Наряду со сферичностью, незамкнутостью и другими характеристиками ФКСП свойственна динамичность, что согласуется с мнением исследователей различных видов пространства, считающих, что динамичность является одной из его основных характеристик (работы З. Н. Микеладзе, О. А. Солодухина, других авторов). Термин «динамичность» является междисциплинарным, функционирует в различных областях; в лингвистике «динамичность» имеет различные направления его применения: 1) в виде функционально-семантической категории; 2) как свойство объекта исследования, богатого движением, действием, внутренней силой [Цивьян, 2006; Яковлева, 1994].

Динамичность как важнейшее свойство ФКСП противопоставляется статичности, является маркером из-

менения и развития ФКСП. Категория динамичности связана с категорией изменения, под которым понимается «упорядоченная во времени последовательность сменяемых друг друга состояний, характеризующих один и тот же объект» [Солодухин, 1989, с. 26]. Поэтому в основе описания динамичности ФКСП лежат следующие понятийные категории: *актуальные изменения, потенциальные изменения, тенденция к изменениям*.

При ответе на вопрос о том, структура каких фразеологических единиц подвержена потенциальным изменениям, хотелось бы обратиться к мнению В. М. Савицкого, выражающего оригинальный взгляд на выделение в языке идиом, к которым он относит также слова, «членимые в плане выражения, частично целостные в плане содержания», например, слово «интеллигент» [Савицкий, 2006, с. 138]. Для нас кажется существенной позиция автора относительно того, что семантической динамике подвержены идиомы, обладающие размытым значением, то есть определённым нечётко; значения таких идиом варьируют по семному составу в различных контекстах.

Именно такими потенциальными способностями к изменениям обладают многие ФЕ. Изменения концептуальной структуры, лежащей в основе фразеологической семантики, а также семантики ФЕ возможны и необходимы. Например, значение ФЕ *стенка на стенку (стена на стену)* - «друг на друга группами (ходить, сходиться и т. п. в кулачном бою)» в разных контекстах актуализируется неодинаково.

1. А на кулачки биться мещане с семинаристами собирались или на лёд, на Оке, под мужским монастырём, или к Навугорской заставе. Тут сходились и шли *стена на стену* во всю улицу (Лесков. Грабёж).

2. Стремление прогубернаторского большинства переломить оппонентов через колено предопределило стиль работы Думы - постоянное хождение *стенка на стенку*.

Во втором примере ФЕ *стенка на стенку* - символизирует стиль работы (определённой группы людей), связанного с конфликтами.

Динамичность рассматриваемого нами пространства проявляется в том, что в основе сложного фразеологического значения лежат комбинированные подвижные концептуальные структуры - оноματοпозитические концепты, имеющие способность к изменениям, а слои концептов - к перегруппировке. В результате концептуальных изменений и перегруппировки концептов рождаются (проявляются) новые фразеологические смыслы.

При характеристике динамичности как показателя существенных количественных или качественных изменений объекта, изменений внутреннего характера или смены видовых свойств обычно говорят об элементах структуры изменяющегося объекта, а также о различных процессах. В структуре ФКСП происходят процессы концептуального и семантического преобразования, среди которых - концептуализация, концептуальная деривация, реконцептуализация, фразеологизация и другие. Так, процесс реконцептуализации заключается в приобретении существующим концептом новых характеристик, что ведёт к частичному или полному изменению структуры концепта; на базе концептуальных изменений происходят изменения в семантической структуре номинативных единиц [Богданова, 2006, с. 69].

Например: Потом она оглядела уже как бы не свою квартиру и сказала, что, конечно, всё хорошо, уютно, но имейте в виду: без ремонта не обойтись, всё *на ладан дышит* [Щербакова, 2002, с. 247]. Фразеологизм *дышать на ладан* - «быть близким к смерти» - в результате реконцептуализации - приобретении концептом новых когнитивных признаков приобретает другой смысл: «быть старым, ветхим».

Динамичность - одно из свойств фразеологического когнитивно-семантического пространства - основывается на потенциальной способности концептуальных и семантических структур к изменению.

Список использованной литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознание, культура. М.: Academia, 2002.
2. Богданова С. Ю. Концептуализация и реконцептуализация пространственных отношений (схема «контейнер») // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1.
3. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М.: Флинта; Наука, 2008. 176 с.
4. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
5. Солодухин О. А. Логика изменения и модальная логика. Ростов: Издательство Ростовского университета, 1989. 144 с.
6. Цивьян Т. В. Модель мира и её лингвистические основы. М.: Издательство «Едиториал УРСС», 2006. 280 с.
7. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Издательство «Гнозис», 1994. 344 с.

Список использованных источников

1. Войнова Л. А. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров. М.: Советская энциклопедия, 1967. 543 с.
2. Газета «День за днём». 2004. № 2. 16-22 января.
3. Щербакова Г. Женщины в игре без правил. Слабых несёт ветер: романы. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 327 с.

ДВОЙНОЕ ИМЯ КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Гуцалюк О. Н.

Московский педагогический государственный университет

Разные наименования главного героя романа В. Набокова «Лолита» являются одним из основных способов его представления в произведении. Они служат средством внешней и внутренней характеристики героя, таким образом выделяя в нем основные личностные признаки.

Символичность и неоднозначность номинации главного героя романа «Лолита» оговаривается уже в предисловии произведения. Доктор философии Джон Рэй объясняет читателям, что это имя Гумберт Гумберт, и придумано оно автором «Исповеди Светлокожего Вдовца»: «Причудливый псевдоним <...> - это маска, сквозь которую как будто горят два гипнотических глаза...» [Виноградова, Улуханов, 1996].

Повествователь называет себя по имени, когда обращается к изображению главной страсти, движущей его жизнью, - страсти к маленьким девочкам. С этого момента героем-повествователем вводится его двойное имя Гумберт Гумберт, которое он сам себе выбрал в качестве маски. С одной стороны перед нами «исключительный красавец, со сдержанными движениями, с мягкими темными волосами и как бы пасмурной, но тем более привлекательной осанкой большого тела» [Дымарский, 2001]; «весьма утонченный мужчина» [Корман, 1992]; «застенчивый джентльмен» [Потебня, 1960]; «писатель и исследователь» [Таратута, 2001]. С другой - это «художник и сумасшедший, игралище бесконечных скорбей, с пузырьком горячего яда в корне тела» [Джейнуэй, 2001], «человек с сексуальным изыском» [Дэвидсон, 1990]. Все существование Гумберта Гумберта подчинено одной навязчивой идее, и все имена, даваемые им себе, он определяет реальностью страсти к Лолите, ситуациями, связанными с их взаимоотношениями.

«... Если фамилию «Гумберт» прочесть на французский манер, она может восприниматься как омоним слова «ombre» ('тень'). Вместе с тем она омонимична испанскому «hombre» ('человек'). Используемое удвоение - Гумберт Гумберт - может пониматься как «тень человека» (ombre of an hombre) <...>. Здесь можно усмотреть намек на мрак наваждения, в котором пребывает повествователь, он же может рассматриваться как тень автора, как марионетка» [Люксембург, Рахимкулова, 1996, с. 130].

Имя, выбранное повествователем, обусловлено собственной оценкой личности. Она двойственна, как и имя героя-повествователя. С одной стороны, «... мною выбранное имя всего лучше выражает требуемую гнусность». С другой стороны, Гумберт - имя, принадлежащее итальянскому королевскому роду. Таким образом, оно выбрано не только «для требуемого выражения гнусности», но и как выражение завышенной самооценки героя-повествователя, как способ его особого представления. Это некто особый, величественный, человек, стоящий над миром. Поэтому, когда Гумберт овладевает Лолитой, он именуется не иначе, как Гумберт Грозный, Гумберт Смелый, Гумберт Первый.

И в то же время он трусливое, гнусное существо, обуреваемое похотью, желаниями, в чем считает себя виноватым, терзается, но ничего с этим сделать не может. Двойственность Гумберта заключается и в противоречии между его статусом, поведением в обществе и сутью. Это и хорошо воспитанный джентльмен, и человек, терзаемый темными страстями. «Гумберт Гумберт усердно старался быть хорошим. Ей-богу старался. <...> Но как билось у бедняги сердце, когда среди невинной детской толпы он замечал ребенка-демона ...» [Долинин, 2000].

А.Б. Пеньковский, рассматривая русские персонифицированные наименования, построенные по модели «имя + отчество», выделяет особую группу антропонимов, в которых составляющие этой модели дублируются. Они называются таутонимами [Пеньковский, 2004, с. 331]. Таутонимы в русской фольклорной, а затем в литературных традициях имеют символическое значение. Подобные образования используются как знаки «чужого мира». Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что имя героя-повествователя указывает на его принадлежность к «другому миру», миру «нимфолепсии». Удвоение имени свидетельствует о непричастности его владельца к общей традиции, о нарушении общечеловеческих связей.

Нарратор употребляет номинацию *Гумберт Гумберт*, когда хочет указать на амбивалентность натуры героя. Теневая сторона его личности изображается повествователем как «сокровеннейшая подкладка», а насильственное раскрытие тайны представляется ему как «выворачивание наизнанку» и «выдиранье» из него истины. Прежде всего, использование полного имени происходит, когда речь идет о «преступной страсти» героя. Возможность раскрытия тайной сути Гумберта другими людьми является для него самым страшным. Когда Шарлотта, прочитав дневник, раскрывает его замыслы, Гумберт впервые оказывается перед судом, которого так боялся: «Моя прекрасная обвинительница остановилась, глотая свой яд и слезы. Что именно *Гумберт Гумберт* сказал - или пытался сказать - не имеет значения» [Beaujour, 1995]. В этот момент